

Но никто не отвечал.

Когда совсем стемнело, Яо Чан вызвал более десятка солдат, которые приехали на автобусе и окружили особняк, стоя стройными рядами во дворе.

Цан Ицзин горько усмехнулся.

Если бы он сделал шаг вперёд, солдаты бы его прогнали, не грубо, ведь Цан Ицзин не стал бы терять лицо, чтобы его вынесли на руках.

Уже всё так, и он видел, как он целовался с девушкой, какое отношение Чжун Жуйчжи, он мог догадаться, но не хотел верить.

Он стоял до полуночи, солдаты уже сменились, а он всё ещё стоял.

Фэн Ян сидел рядом, ожидая, когда он сдастся.

В особняке Яо Лисин и Чжан Пин сидели в гостиной, Яо Мянью была в своей комнате, Чжун Жуйчжи — в музыкальном кабинете, Яо Чан и его жена сидели на диване у окна.

Даже Яо Вэй, которой завтра нужно было в школу, не спала, тайком наблюдая из-за шторы.

Они тоже ждали, когда он сдастся, но в их сердцах зарождалось странное чувство, они не хотели, чтобы Цан Ицзин так легко сдался.

В два часа ночи, в четыре утра, Цан Ицзин взглянул на часы и снова вошёл во двор дома Яо.

Солдаты попытались остановить его, но Цан Ицзин сказал.

— Я знаю, что они не спят, передайте, что я пришёл поговорить с Чжун Жуйчжи, он всё объяснит, и я уйду.

Чжун Жуйчжи, услышав звук открывающейся двери, спустился вниз, Яо Мянью тоже выбежала, Яо Лисин и Чжан Пин обернулись к ним.

— Он говорит, что хочет всё выяснить и уйти.

— Хорошо, — сказал Чжун Жуйчжи, — прождали всю ночь, теперь я пойду и всё объясню, чтобы он мог уйти.

Яо Мянью схватила его.

— Не забывай, я в любой момент могу заставить банк потребовать возврата кредита, и твой отец в любой момент может ответить на мой звонок.

— Я обещал и не нарушу своего слова, — Чжун Жуйчжи сказал. — Он думает, что Вэй — моя девушка, верные люди не могут принять измену. Дядя...

Яо Чан, стоявший у лестницы, отозвался.

— Пусть твои солдаты отдохнут в автобусе, у нас есть разговор, который посторонние не должны слышать.

Яо Чан и Чжун Жуйчжи вместе вышли, приказав солдатам вернуться в автобус. Подойдя ближе, почти двухметровый рост Цан Ицзина произвёл ещё большее впечатление. Его глаза, полные любви, покраснели, как только он увидел Чжун Жуйчжи.

Когда все ушли, он начал беззвучно плакать, крупные слёзы капали на землю, но он не издал ни звука.

— Дядя, ты... зайди в дом, мне нужно с ним поговорить.

Яо Чан кивнул.

— Будь осторожен, твоя мать слушает внутри, говори кратко.

Наверху Яо Вэй чуть не заснула, но, увидев, что Чжун Жуйчжи вышел, сразу же оживилась.

Когда Яо Чан зашёл в дом, Цан Ицзин действительно подошёл и взял руку Чжун Жуйчжи.

Он поднёс руку Чжун Жуйчжи к губам, нежно поцеловал её.

Как он мог плакать так много, всю ночь на холодном ветру, руки и лицо были ледяными, но слёзы были горячими.

Они обожгли Чжун Жуйчжи, заставив его слегка замереть.

В следующую секунду он обнял его.

Слёзы упали на шею, в его объятиях было так холодно.

Яо Мянью поднялась на второй этаж, стоя у окна, сжала кулаки, ногти впились в ладони.

Чжан Пин, беспокоясь за неё, тоже поднялась, увидев это, она обняла Яо Мянью.

— Может, не смотри?

— Мама, что мне делать? — сказала Яо Мянью. — Двое упрямых собрались вместе, я уже потратила все силы на Чжун Жуйчжи.

Чжан Пин тоже не знала, что делать, такое уже произошло, они так долго шли по разным путям, как теперь можно вернуть всё обратно, оставалось только ждать, пока Чжун Жуйчжи сам одумается.

Но, как сказала Яо Мянью, Цан Ицзин был настолько упрям, что не собирался легко сдаваться.

Чжан Пин только сказала.

— В молодости так бывает...

— А через несколько лет, когда он вернётся, и они снова будут вместе, что тогда? — Яо Мянью была уже измотана.

Чжан Пин долго молчала, затем сказала.

— Думаю, этого не случится, разве Чжун Жуйчжи не сказал, что хочет, чтобы он остыл?

Кто будет ждать изменника, который предал его?

После того как всю ночь провёл на холодном ветру и был жестоко разочарован, кто сможет простить и забыть?

Любой, кто хоть немного думает, точно не станет настаивать, тем более что Чжун Жуйчжи уезжает за границу, и, скорее всего, не вернётся раньше, чем через семь-восемь лет, кроме как на Новый год и каникулы.

Когда он вернётся, семья будет следить, чтобы они больше не встречались.

Чжун Жуйчжи красив, но в мире есть и другие красивые люди.

Цан Ицзин выглядит так респектабельно, и у него есть деньги, вокруг него, конечно, соберётся

множество красавцев и красавиц.

Как он сможет ждать семь-восемь лет, даже самый сильный пыл угаснет.

— Он старше Жуйжуй, через пару лет семья, конечно, начнёт торопить его с женитьбой, я в свои годы только в романах читала о долгой любви и ненависти, — Чжан Пин утешала её. — Где столько Хитклифов?

Яо Мянью приоткрыла окно, она хотела услышать всё чётко.

Но первое, что она услышала, было дрожащее.

— Не бросай меня, Жуйчжи, не уходи от меня...

Чжун Жуйчжи оставался непоколебимым.

— Я могу приехать к тебе в Америку? — Цан Ицзин уже смирился с тем, что он уедет. — Я... Я не хочу тебя ограничивать, не собираюсь тебя удерживать. Жуйчжи, правда, даже если... даже если ты женишься... всё нормально... можно!

Он уже говорил такое раньше.

— Только не бросай меня, только если ты ещё захочешь... взглянуть на меня, обнять меня...

Он был настолько унижен, что даже готов был долгое время быть третьим лишним в жизни Чжун Жуйчжи.

В ответ он слышал спокойный голос Чжун Жуйчжи.

— Брат Цзин, не делай так, моя девушка рассердится.

— Не обманывай меня... — Цан Ицзин сказал. — Это невозможно...

— Мы детские друзья, — Чжун Жуйчжи сказал. — Я... с детства её любил, мама тоже считает, что мы подходим друг другу, она поедет со мной за границу.

Он поднял голову, Чжун Жуйчжи собрал все силы, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Ох, — он вздохнул. — Зачем ты пришёл, мы могли бы просто расстаться, оставив немного счастья и достоинства.

Цан Ицзин нахмурился, его губы слегка приоткрылись, но он не мог говорить.

Чжун Жуйчжи подтолкнул его.

— Ты же говорил, что когда я женюсь, мы расстанемся, ты не будешь преследовать меня? — Он снова усмехнулся. — О, ты много чего говорил, только что сказал, что женитьба — это нормально, правда хочешь быть любовником на стороне?

Как он мог смеяться, глядя на это лицо, всё в слезах?

Его смех был таким презрительным, что Цан Ицзин не узнавал его.

— Обнять тебя? — Он усмехнулся. — Ты сам не находишь это смешным? Правда только обнять?

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197334>